

An aerial night photograph of a city, likely St. Petersburg, showing a dense network of lights and reflections on the water. The title text is overlaid on the upper half of the image.

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

**ГОРОД
НАШИХ
НАДЕЖД**

**СБОРНИК
РАССКАЗОВ**

16+

Юрий Горюнов
Город наших надежд

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415104
SelfPub; 2018*

Аннотация

Сборник рассказов о вечном – о любви

БЕЗ ВЕРЫ В БУДУЩЕЕ

1

Каждый воспринимает это мир по-своему. Кто-то радуется, кто-то грустит, кто-то живет в постоянном напряжении, а кто-то типа Аркадия, воспринимает его как данную кем-то реальность, в которой надо жить и не задумываться, что будет завтра, особенно, если это завтра достаточно предсказуемо.

Что будет завтра, Аркадий реально представлял и знал, что оно будет обыденным. Он сидел в баре со своими друзьями, пил коктейли, накачивая себя спиртным, чтобы хмель ударил в голову и развеселил, и может быть, тогда получится увидеть завтра в другом виде, чтобы удивиться. Но, то ли он мало пил, то ли хмель где-то заблудился в организме, ощущение праздника к нему не приходило.

Аркадий обвел взглядом зал. Музыка гремела из динамиков, подавая ритмы, в такт которым дергались тела танцующих, потому, как танцами это назвать было сложно. «Как зомби – отрешенные от всего. Им важно ни кто рядом, а как они танцуют, как воспринимают себя сами» – думал он, глядя на публику.

– Аркадий, ты о чем задумался? – вывел его из размышлений голос друга.

Аркадий повернулся: – Да вот сижу и думаю, что моя жизнь не имеет будущего.

– Жизнь без будущего? Твоя? Это ты к чему? Умирать собрался?

– Как много вопросов. Все иначе. Вот в детстве есть будущее. Ты его ждешь – своего завтра, и каждая мелочь доставляет радость. Ты живешь ожиданием надежды, ожиданием чуда, в которое по наивности веришь. Ты ждешь, что вот наступит такой-то день. А сейчас? Нет, как таковое будущее есть, если судить во временном понятии. А на самом деле? Оно как бы есть, и его как бы нет. Вот что завтра? В общем, известно, что будет, и послезавтра. Я даже людей по пути на работу встречаю одних и тех же, в одно и тоже время. Ты знаешь, что будешь делать. Получается, что у меня есть прошлое и настоящее. И это настоящее сейчас и завтра. Будущее есть, и его как бы нет. У меня два настоящих. И что важно, мне это нравится и не хочу иначе. Я доволен. А в детстве все было: и прошлое, и настоящее, и будущее. Что у вас разве не так?

Друг Коля, которого все звали уважительно по отчеству – Иваныч, задумался, а потом высказался:

– А может быть ты и прав. Вот, что было в прошлом, помню, что в настоящем знаю и особо ничего не жду в будущем. Если я знаю, что будет завтра, значит, будущее для меня про-

гнозируемо.

– Эх, куда загнул. Философ ты, однако, – откликнулся третий сидящий за столиком друг Женька, – так вы до многого договоритесь. Если знать, что будет завтра, но ты его еще не пережил, значит его еще не было.

– Все мы философы, – ответил Иваныч, – но завтра все равно будет, иначе зачем жить. Здесь я согласен. Без ожидания завтра жить скучно. Вот сейчас сижу с вами, выпиваю, отдыхаю и знаю...

– Что по – утру, то есть в будущем будет болеть голова, – закончил за него Женька.

Иваныч согласно кивнул головой: – И это возможно, но все зависит от количества принятого внутрь.

– И это твое ожидание? Нашел, что ждать, – подключился Аркадий. Нет парни, не знаю как вы, но мне хорошо жить без будущего. Голова еще ясная и это мое второе настоящее, которое вы называете будущим мне нравится. Мне доставляет удовольствие жить без этих ожиданий.

– И нервы в порядке? – спросил Иваныч.

– Это когда они есть, а когда нет, уже все равно.

– А если по коленке постучать не дернется?

– Висит зараза.

– Что висит?

– Нога висит. А ты что подумал?

– Вот о ноге я и не подумал.

Все дружно засмеялись.

– За то, чтобы нога дергалась, и что надо не висело, – предложил тост Женька.

Они выпили.

– Какие планы на остаток вечера? – спросил Иваныч.

Женька обвел взглядом зал: – Пойду, пройдуся, чтобы одному домой не возвращаться.

– Боишься?

– Чего?

– Не знаю. Хулиганов на улице или пустой квартиры. Везде мерещатся тени, призраки, и Иваныч поднял руки вверх, сделав страшное выражение лица.

– А что. Я вот в детстве, когда шел спать, старался оставить свет в комнате и если родители замечали, то заходили и выключали, заявив, что пора спать. А мне было банально страшно заходить в темную комнату. Мне казалось, что в каждом углу меня кто-то поджидает и с не добрыми намерениями. Я сразу залезал под одеяло и накрывался с головой, закрыв глаза. Руки прятал под одеяло, чтобы никто до них не дотронулся.

– Экий, ты трусишка, – поддел его Иваныч.

– Да ладно. Многие в детстве такие. Только родители об этом забывают. Что вот лежишь, руки поверх одеяла и все ждешь, что вот кто-то холодный, липкий дотронется. Страшно.

– А сейчас?

– А сейчас страшно другое. Спать есть с кем, просыпаться

не с кем.

– И ты идешь на поиски? И что ты предложишь, потенциальной коллеге по кровати?

– Ну, не Брамса же слушать и не стихи читать?

– Что вот так предложишь переспать?

– Это было бы здорово. Все ясно и понятно. Хотя обоим и так все ясно, но вот надо соблюдать условности. Я расскажу, как страшно спать одному, что боюсь пустой квартиры, и когда ветерок дует в форточку, колыша занавески, мне не к кому прижаться, и очень хочется уткнуть свое лицо в женскую грудь.

– Купи себе плюшевого мишку.

– Иваныч! Иваныч! А поговорить?

– Так ты хочешь пригласить поговорить?

– Можно и поговорить, если в мозгах что-то есть. Одно не исключает другого.

– До того или после того?

– Вместо того, – заметил Аркадий.

– Юмористы. Шутки ваши старые и грустные. Нет полета фантазии у вас.

– Вон, смотри, – кивнул Аркадий на девушку, танцующую не далеко от их столика. Она была в откровенно коротком, обтягивающем платье. Движения ее были достаточно эротичны, тело извивалось. Лица они не видели, та, танцевала к ним спиной. – Какая фантазия! Не знаю, как спереди, но

сзади фантазия богатая, – продолжил Аркадий, когда все обратили на нее внимание.

– Я пошел, – Женька направился к танцующей девушке.

– А ты куда? – обратился Аркадий к Иванычу, – чего боишься в своей квартире.

– Боюсь увидеть утром на кухне не знакомую женщину.

– Я не знал, что ты женоненавистник. Ты что сменил ориентацию?

– Еще чего. Не люблю утром делать вид, что все замечательно, а сам думаешь, как бы она побыстрее свалила и остаться одному. Что сидеть? Дело сделано. А так, утром проснешься в усталой истоме, встанешь, наслаждаешься и не видишь разбросанные женские вещи. Утро надо встречать с кем-либо близким и не только по телу, но и по духу, но никак не с незнакомкой, которая при свете может быть не так привлекательна утром, как вечером.

– Да, в тени мы все прекрасны.

– Так что я домой. А ты? Что хочешь сейчас?

– Выпить на берегу реки.

– В чем дело? Что мешает? Составить компанию?

– Нет, Иваныч, я хочу один.

– Хочешь прогуляться?

– Именно.

– Будь осторожен.

Мы замолчали. В это время подошел Женька: – Ну, как вы тут?

– У нас все хорошо. А твоя фантазия?

– Разыгралась.

– Ну, что расходимся, – предложил Иваныч.

– Подожди, – Аркадий подошел к бару, взял три по сто виски и подал друзьям, – у меня тост. Тебе, Женька, желаю, чтобы твоя фантазия была хороша и спереди и сзади, и чтобы шорох занавески не заглушал скрип матраца. Тебе, Иваныч, чтобы утром выйдя на кухню, ты увидел прекрасную пустоту, которую ты заполнишь только собой, а посмотрев в зеркало, ты увидел только себя, свою небритую, но такую любимую физиономию, а не кого-то рядом. А мне провести остаток вечера у воды и наслаждаться своим настоящим.

Они выпили. Женька ушел к своей новой знакомой, а Аркадий с Иванычем вышли на улицу. Пожали друг другу руки и, пожелав удачи, разошлись.

Аркадий зашел в ближайший ночной магазин, купил бутылку виски и направился к реке. Город жил своей ночной жизнью. Набережная была полна народу, который прогуливался теплым вечером. Аркадий спустился к реке, отвинтил крышку с горлышка бутылки и сделав глоток, направился вдоль берега по бетонной дорожке.

Вдруг его слух уловил шум. Он отвернулся от реки и увидел чуть впереди двух мужчин, двух бомжей.

2

Аркадий первый раз видел, как дерутся бомжи. Самое ин-

тересное то, что один старался ударить другого не кулаком, а скейтбордом, чему Аркадий даже сначала не поверил. Как он у него казался, откуда он его взял? Бомж держал его обеими руками и плоской стороной бил другого по спине, а тот, как мог уворачивался. Аркадий не стал вмешиваться в процесс выяснения отношений, а остановившись, глотнул из бутылки.

Видимо его движение отвлекли их от столь важного момента решения спорного вопроса, и оба остановившись, обернулись.

– Тебе чего надо? – спросил тот, что был со скейтбордом.

– От вас ничего, а от жизни так, по мелочам. Но мне кажется я отвлек вас от интеллектуальной беседы. Я в вашем споре не в счет. Можете не обращать на меня внимания.

– А что ты здесь делаешь?

– Гуляю. Надо же людей посмотреть и себя показать.

– Показал? – продолжил тот, кто начал разговор, и тут же внимательно взглянув на руку Аркадия, спросил, – а что это у тебя в руке?

Аркадий, посмотрев на свою правую руку, которая держала бутылку виски: – Виски. Хотите? – и протянул ее им.

Тот, что с доской недоверчиво посмотрел на Аркадия, но подошел и взял. Аркадий не стал отстраняться, так как пока наблюдал за их ссорой, обратил внимание, что они не из низшего сословия их епархии, да и наличие скейтборда, говорило, что он им нужен не только для драки. Отойдя от Ар-

кадия, бомж поднес бутылку к глазам, рассмотрел этикетку и затем сделал глоток. Выдержав паузу, задержав дыхание, с видом знатока сделал вывод:

– Хороший виски, – и протянул бутылку приятелю.
– Да ты что? А я думал мне контрафакт продали, – пытался ехидничать Аркадий.

В это время другой бомж сделал большой глоток, а потом кивнул в знак согласия с первым.

– А ты думаешь, что мы только на помойках роемся. Пивали.

– Теперь не думаю. Хотя на помойках тоже кому-то надо рыться. Это санитары города.

– Санитары, – как эхо повторил скейтбордист, – мы не санитары, мы отражение этого города, его жители.

– Это ясно. Город всегда в вашем распоряжении. Но раз у нас завязалась беседа. Меня зовут Аркадий. Теперь ваша очередь.

– Меня Андрей, а это Федор, – пояснил скейтбордист. Он забрал бутылку у Федора и направился к бордюру, на который сел положив под ноги скейтборд. Федор присел рядом, а Аркадий подошел поближе.

– А что это за беседу вы вели так ожесточенно?

– Да вот Федор сказал, что теория относительности является базовой научной мыслью и что она фундаментальна, а я возразил. Это только наше представление, которое исходит из трех мерности нашего пространства. А есть еще гео-

метрия Лобачевского, которая показывает, что расстояние между двумя точками не есть прямая. А если в совокупности с тем, что время не есть величина постоянная, то есть оно может замедляться и ускоряться, то формула скорости не выдерживает критики, где скорость света считается максимальной.

– И вы вели об этом спор? – удивился Аркадий.

– А что нам банку консервов делить, что ли? – и он отхлебнув из бутылки, снова передал ее оппоненту.

– На счет консервов не знаю, но мне казалось у вашего брата более приземленные интересы.

– Много ты знаешь о нашем брате, – подал голос Федор и отпив из протянутой бутылки, протянул ее Аркадию.

– Мне уже хватит, – заверил его Аркадий, – а скейт для чего? Катаетесь?

– Бывает. Времени свободного много, вот и развлекаемся.

Аркадий пригляделся к своим собеседникам. На вид им было не более пятидесяти: – А сколько вам лет, мужики?

– Мне сорок, а ему сорок два, – пояснил Андрей, – что вы выглядим старше?

– Ну, уж не моложе точно. И часто вы ведете столь интеллектуальные беседы?

– Когда есть настроение. Мы не ходим на работу регулярно, задача найти еду и ночлег. Но эти вопросы мы уже решили для себя.

– И как вы оказались на этом дне?

– На дне... – пробурчал Андрей, – это вы там в белых рубашках на дне. Все поставили на служение деньгам, а нас финансовый вопрос не затрагивает. Курс валют, с которым играют на бирже, нас не волнует. Наши источники доходов от мировой валюты не зависят.

– А от чего зависят?

– От опыта жизни, от везения. Вот ты отдал бутылку – везение.

– Согласен. Не каждый день такая пруха думаю.

– Не каждый. Так, что если рассуждать о дне, то это как посмотреть. Если все перевернуть, то получимся сверху мы со своей свободой, а все остальные барахтаются, чтобы удержать равновесие и не свалиться в неизвестность, а мы в ней уже давно освоились.

– Слушай, интеллектual, откуда познания, философские мысли?

– Ничего особенного. Федора жена выгнала. Пил он сильно, а так мы с образованием, но сейчас оно нам без надобности.

– А сейчас пьет?

– Редко.

– Так может быть вернуться?

– А зачем, – ответил за себя Федор, – что я там получу? Тарелку супа, диван, тапочки и вечные поиски денег, которых всегда не хватает. Слишком дорогая плата за обед, что-

бы слушать вечное бурчание. Я знаю, что говорю. Я по профессии психолог.

– Вот потому и не смыслишь ни фиги в физике, – перебил его Андрей, – и нечего лезть туда, где ты лох.

– А ты сам кто? – обратился Аркадий к Андрею.

– Инженер. Но я сам ушел, надоело жужжание над ухом пустых никчемных разговоров о работе. Дела нет, только разговоры. Кстати, у нас и прописка есть. Так что бомжи мы или нет вопрос сложный.

– Да, мужики, не ожидал увидеть здесь интеллигенцию.

– У нас много всяких. Кого только нет. Можно целый поселок составить из нас, но нам это не интересно. Нет полета мысли. Ограничение жизнедеятельности в материальном плане, ограничивает нашу духовную жизнь.

– Нет, Федя, полет мысли в твоей голове ограничивает не материальная часть, а то, что появившаяся в твоих мозгах случайная мысль, так долго блуждает в твоих извилинах, что у нее не остается сил для полета.

– Опять! Опять начинаешь?

– Да, шучу я, шучу. Это виски тебе развязал язык. Так что Аркадий, не падшие мы люди. Читаем. Газет на улице много, вот и пополняем свои знания. А ты сам откуда свалился на нашу голову?

Андрей сидел на бордюре, поставив ногу на скейт, и покачивал его.

– Случайно забрел. Как сказал классик «Дело было вече-

ром, делать было нечего».

– Значит никуда не торопишься. Я было подумал чудной какой-то. Много всяких мимо ходят. Носы воротят. Семья есть?

– Пока нет.

– Это дело наживное. А девушка есть?

– По обстоятельствам, – ответил Аркадий уклончиво, – и вы довольны своей жизнью?

– Пока человек мыслит, он не может быть доволен, – изрек Федор, – не бывает абсолютного счастья в жизни. Счастье имеет временные границы.

– Значит и вас есть проблемы?

– А у тебя их нет?

– Есть, наверное, но я об этом не думаю. Проблемы надо оставлять в прошлом и жить настоящим. Но судя по вам у вас нет и будущего.

– Это почему? – несколько напрягшись, произнес Федор, и перестал катать ногой скейт.

– Да потому, что живете одним днем. Завтра будет тоже, что и сегодня, послезавтра, как завтра и так далее. Какое уж тут будущее.

– Не прав, ты парень, – несколько облегченно сказал Федор, – человек идет по дороге своей жизни, и каждый шаг, это его будущее. Вокруг обязательно что-то новое, что человек не знал или не видел.

– Это твоя философия, Федор. А мне нравится, что я жи-

ву по другим критериям. Я делю жизнь на прошлое и настоящее. Мне ясно, что будет завтра. По времени да, будущее есть, но по факту вопрос. Вот скажи, Федор, когда у тебя в последний раз была женщина?

Федор напряг лицо, и стал вспоминать.

– Вот то-то и оно, – продолжил Аркадий, – не напрягайся. Ты же не можешь подойдя к женщине сказать – мадам, у меня тут есть уютный картонный домик. Не желаете ли провести в нем со мной ночь. Или у меня есть уютный подвальчик, в котором нам ложем будет старенький матрас. Или она к тебе подойдет? Вот. Значит завтра у тебя будет такое же как и сегодня, без ярких потрясений и воспоминаний. А главное без ожидания чуда.

Они засмеялись услышанному, представив ситуацию, но потом Андрей задумчиво произнес: – А кто сказал, что нам нужны чудеса. Спокойствие и размеренность, предсказуемость и уверенность, вот наше будущее.

– Это тоже выбор, – согласился Аркадий, ваш выбор. Пойду я в свое настоящее будущее. Не болейте. Отсутствие медицинского полиса не дает вам права на помощь.

Аркадий махнул им рукой в знак прощания и двинулся дальше вдоль берега. Вечер был тихий и спокойный. О бетонные плиты, в которые была закована река, мерно бились волны. Луна играла бликами на воде.

Аркадий поднялся по ступенькам наверх, где шум город-

ских улиц принял его. Мимо неслись машины.

Откуда их столько, – подумал он, – все куда-то едут, что-то хотя успеть сделать. Зачем? Что толку суетиться. Завтра проснетесь и будете опять в суете.

Он вышел к обочине и поднял руку, увидев такси. Когда машина остановилась, Аркадий сел и назвал адрес дома, где жил. День почти закончился.

3

Утро было обычным летним утром. Таким каким его обычно хотя видеть люди. Голубое небо с небольшими облаками высоко в небе, которые плывут то, собираясь, то расходясь на множество маленьких. Их тень, позволял порой укрыться от солнечных лучей. Легкий ветерок чуть трогал листья деревьев, принося с собой прохладу.

Аркадий проснулся, когда будильник известил, что пора вставать. День, как он думал, не предвещал никаких потрясений. Обычный будничный день и это ему нравилось. Зачем мне не ясное будущее, когда у меня есть прекрасное настоящее. Что еще нужно, чтобы встретить старость – вспомнил он фразу. А действительно, что? У него есть работа, не такая, чтобы он был ею очарован, но вполне приемлемая, что позволяла жить выше среднего уровня. У него была квартира. Пусть она была не элитная, но две комнаты его вполне устраивали.

Нажав кнопку будильника, чтобы сообщить себе, что он проснулся, Аркадий потянулся и, отбросив одеяло, поднялся. Распорядок дня был ему знаком до мелочей: душ, бритье, завтрак, выход на работу. Все его утреннее расписание было отработано, и он даже не смотрел на часы, не опаздывая на работу. Все размерено и отмерено.

На работу Аркадий ездил на метро. Это было удобнее. На все вопросы, почему он не купит машину, он отвечал: – Зачем она мне?

– Как зачем? Будешь ездить индивидуально, не толкаясь в метро. В выходные можно поехать за город, покататься с девушкой.

– И все?

– Да много еще чего?

– Вот это много чего меня и останавливает. Это значит расходы на бензин, сервисы, страховки, напряжение в пробках, потеря времени, проблемы с парковкой. И все это для того, чтобы себя любимого потешить? Я найду, чем себя потешить.

– Это скучно.

– Это вам скучно. Зачем мне индивидуально ездить. Вот там скучно. А в метро можно увидеть и познакомиться с милой девушкой. Или вдруг в давке прижмут к женской груди, а ты делаешь вид, что тебе это и не нужно, и ты здесь ни при чем, а самому отрываться не хочется. А в машине к кому

прижаться? К рулю? Дачи у меня нет, а если в гости, то захватят, да и посидеть могу с бокалом вина. А с девушкой надо не кататься, а более приятными вещами заниматься. Если она бросается на то, что у тебя есть машина, то о тебе она и не думает, а как она смотрится в ней. А тебе что хочется? Как она смотрится не в машине, а другом месте. А доехать до этого места могу и на такси. Так в чем выгода? По работе она мне не нужна и остается только для того, что я не хуже всех. Мое самолюбие не страдает. Будет необходимость – куплю, пока необходимости нет. Я испытываю потенциальную сладость от возможности, а не от приобретения. Могу, но не хочу.

После этого к нему не приставали. Ему было комфортно в этой жизни.

В это утро на работу он доехал без приключений. Никто ничего не украл, ни с кем не познакомился, ни к кому не прижали. Правда была попытка прижать его к старушке с авоськами, но он, увернувшись, проскользнул мимо, уступив место пузатому мужчине с черными большими усами.

Женщин в жизни Аркадия занимали место, и он с удовольствием наблюдал за ними во время поездок. Изучал их лица, мимику, представляя их характер. Надо же чем-то заняться в общественном транспорте. Он их сравнивал с животными, птицами, всегда представляя, кем бы они могли быть. Лица людей часто можно сравнить с обитателями ди-

кой природы, но мало кто об этом задумывался. И что интересно, сходство часто совпадала с повадками диких обитателей. Это Аркадий знал по жизни, общаясь с людьми.

Едва он вошел в комнату, как услышал разговор, суть которого была о женщинах. При чем в этой необыкновенно интригующей дискуссии принимали участие, как мужчины, так и женщины.

– Вы что тут обсуждаете? Или как в сказке «Буратино» – «Солнце еще не взошло, а в стране дураков уже во всю кипела работа». Неужели рабочие вопросы обсуждаете?

– Во, Аркадий, – обратился к нему Пашка, – у тебя свежий взгляд на женщин.

– Надеюсь, что еще могу смотреть на них пытливым взором.

– Какой должна быть женщина?

– О, Паша, мы сейчас залезем в такие дебри, что поход Ивана Сусанина, будет выглядеть как легкая прогулка по парку.

– Да, ладно, выберемся какнибудь, по компасу или по звездам.

– Вот с этого и начнем. Она должна быть компасом в мужской жизни. Это ведь кажется, что мужики идут сами. Нет, их ведут. Сначала в детстве за руку, потом на аркане. Привыкаешь и по-другому уже не хочешь. Поэтому женщина должна быть умной, коварной, хитрой, обольстительной.

– Да ты что? А если у нее этого ничего нет, а есть доброта,

ласка, внимание, – вмешалась Аня.

– Тогда надо сказать, что она просто дура. Извините за грубость. Но в жизни таких нет. Вот умная – она же нежная, ласковая, когда ей это надо, а не просто так. Если я иду на свидание, она что, не понимает к чему должно все прийти? Понимает, но она коварно выстраивает отношения так, что как будто уступает мне, играет, словно ей не ничего и не надо, я имею ввиду в физиологическом смысле. Если она поведет себя иначе, то получается легко доступна. А где игра, там хитрость. А если мужчина мало обращает на нее внимание, то она старается его обольстить и расставляет приманки: то юбочка покороче, то блузка расстегнута на одну пуговку больше, чем надо. Это не для всех, для него. Ну и кто она, как не хитрая обольстительница. Вот такой она не должна быть, а есть. И что интересно нам это нравится.

– Неужели мы такие?

– Нет. Лучше. Но не всегда надо говорить об этом. Свои приемы можно отрабатывать и молча, но у вас есть внезапность, Вы можете иногда так ошарашить, что мужики немеют.

– Это в чем проявляется?

– Никогда не известно, что она мне скажет. Она и сама этого порой не знает. В этом ее непостижимость.

– Аркадий, у тебя не женщины, а какие-то исчадия ада

– Не надо. Я очень уважаю женщин. Их бояться не надо, но расслабляться не советую.

– Вот мужчины и живут меньше женщин, потому что всегда в напряжении, – подал голос Паша.

– Паша, твоё напряжение всем известно, – вступила Аня.

– Не, я своё напряжение умею контролировать. Я даже могу повышать давление самостоятельно.

– Знаешь, я твоё давление тоже могу повесить не прикасаясь, – усмехнулась Аня. Ей было двадцать пять, и женщиной она была видной.

– Это как?

– Я оголю свою грудь, и твоё давление не просто поднимется, а подскочит.

Все дружно засмеялись.

– Иди Паша работай, пока давление в норме и мысли не скачут. А главное, вы мужики все равно не поймете, как вы для нас, так и мы для вас. Женщине нужно все, все, что поможет нравиться мужчине, – подвела итога Аня.

– Накал страстей потихоньку затухал и остался лишь дым от костра. Мне хорошо в сегодня, а завтра будет завтра. И пусть костер еще горит.

– Аркадий, твоё будущее без будущего известна и ошибочна. Твоё будущее еще не пришло, вот ты и наслаждаешься настоящим. Придет она и все будет иначе, когда будешь ждать завтра, что она сделает, что скажет. Нет в тебе страха потерять близкого человека. Вот и все.

Разговор был закончен, и все разошлись по рабочим ме-

стам. Чтобы не говорили, но Аркадию нравилась его жизнь, жизнь в настоящем и он не хотел ничего менять.

4

– Скажи мне, Иван, есть будущее?

Аркадий сидел на скамейке в парке со своим другом детства Иваном. Был выходной, и они могли встретиться и поговорить. Их основное занятие состояло в наблюдении за проходящими мимо. Иван был врачом в клинике. Он им мечтал быть с детства и стал. И вот, когда наступила очередная пауза в разговоре, Аркадий и задал неожиданный вопрос.

Иван удивленно посмотрел на Аркадия, потрогал его лоб, оттянул левое веко глаза, затем правое, заглядывая в глаза. Все это он делал молча, а Аркадий не сопротивлялся. Он знал своего друга и что тот обязательно скажет после осмотра. Надо было подождать.

– Странно, явных признаков отсутствия ума не наблюдается, а вопрос задаешь, который сразу вызывает сомнения. К психиатру не ходил?

– Зачем?

– Чтобы задать ему этот вопрос.

– Да я не в том смысле, что ты подумал. Как таковое временное понятие будущее есть. Есть у времени прошлое, настоящее, будущее, и мы живем в этом времени. Я к чему. Я пришел к выводу, что у меня мое будущее в настоящем. Оно мне известно и я его понимаю. Я не хочу потрясений. От бу-

дущего всегда чего-то ждешь, надеешься, а я не жду чуда и не хочу. Понимаешь, так живут большинство. Одним днем. Оно есть это сегодня и хорошо. Люди не хотят задумываться о будущем. Придет и будут думать. Вот ты что хочешь от будущего?

– Сказал тоже. Как минимум стать заведующим отделением.

– Вот тебе твое будущее очень нужно. Ты не знаешь, будешь заведующим отделением или нет. А мне мое будущее известно. Оно как бы есть, но меня больше устраивает мое настоящее.

– Аркадий не лезь туда, где ты ничего не понимаешь, а главное не тащи меня в эту муть с собой.

– Но все-таки интересно. Жизнь без будущего. А?

Иван внимательно смотрел на друга, слушая его бред:

– Ты живешь легко, Аркаша. Ты не видел смерти и тебе не виден был свет в конце тоннеля.

– А ты видел?

– Нет, и не тороплюсь. Но я общаюсь по работе с людьми, которые все это видели. Я не знаю, есть ли тоннель, да это и не важно. И поверь, они точно знают, что такое будущее для них. Не берем суицид, это отклонение от нормы. Жизнь и называется жизнью, чтобы пройти весь путь во времени, что уготован, а не прерывать его умышленно. Это больные на психику люди. Нормальные люди ценят жизнь, цепляются за

нее, потому как хотят жить и в настоящем и в будущем. Оно им нужно. Ты даже не представляешь, как они цепляются за жизнь. И притом не за настоящее даже, потому, как оно плачевно, а за будущее, где они здоровы и могут мыслить. Если бы они не хотели жить в своем будущем, то и не старались бы выжить. Иногда делаешь операцию и видишь, что все конец. Ан, нет. Организм по каким-то только ему ведомым законам жизни, не дает ей угаснуть. Это не возможно понять, это надо видеть.

– По логике ты прав.

– Я прав по жизни, – прервал его Иван, – а есть там логика или нет, мне все равно. Люди хотят жить. Их не волнует прошлое, оно прожито. Они хотят испытать радость от жизни в будущем.

– Сам-то куда залез со своими рассуждениями?

– Я не залез. У меня в жизни есть компас – чужие жизни.

– И куда ведет тебя этот компас?

– В будущее, которого у тебя нет.

– Только у меня?

– У таких как ты, живущих одним днем, даже не днем, а мгновением. Прошло мгновение и хорошо. Что думать о завтрашнем дне. Пессимист ты, Аркаша. Циник. И вероятнее всего, тебе скучно жить. Вот если бы ты хотел своего будущего, то по-иному воспринимал бы мир.

– Мир прекрасен, но жесток.

– Возможно, но на первом месте – прекрасен.

– Ты становишься философом.

– А иначе трудно. Я врач и вижу боль людей, тут по неволе задумаешься о жизни и смерти. Что такое смерть я не знаю, знаю только в физическом смысле, а вот, что такое жизнь вижу и наслаждаюсь.

– А что часто костлявая заходит?

– Бывает, но у нас строгий пропускной режим, не всегда удастся прошмыгнуть не замеченной.

– А если пропуск выпишут?

– Да кто же ей выпишет? У нее же нет удостоверения личности.

– Да, личность надо иметь.

– Вот именно.

– И что ты думаешь, когда вскрываешь черепную – коробку?

– Что надо делать.

– А что видишь?

– Ну, если бы вскрыл твою, то очевидно ничего. Думаю, не увидел бы среди извилин, ни одной даже засохшей мысли. Но они же у тебя были? Куда исчезли? Или света бояться? – засмеялся он, – вот что я подумал бы.

Есть теория, что мысли материальны, – с серьезным видом продолжил Иван.

– Знаю, знаю, но все это рассуждения. Материальное, всегда является плодами духовного.

– Но бывает и наоборот. Один создает картину, она материальна, а другие наслаждаются ей духовно.

– Но сначала было духовное!

– Оно как бы размножилось.

– Ладно, хватит. Что воздух сотрясать зря.

– А что есть еще, чем сотрясать?

– Лучше помолчи, сойдешь за умного.

Аллея, на скамейке которой они сидели, просматривалась хорошо, но не за что им было зацепить свой взгляд, чтобы сменить тему.

– А чего это ты вдруг начал об этом, – прервал молчание Иван.

– Как-то сама теория выработалась.

– Выбрось эту теорию. Это цинизм, так воспринимать жизнь. Тебе просто скучно.

– Выбросить? А куда?

– Да вон в урну около скамейки.

Аркадию действительно было скучно, и он встал, подошел к урне, наклонился и стал ворошить волосы. Проходящие мимо девушки, на всякий случай постарались чуть свернуть с пути. Заметив это, Иван им пояснил:

– Не бойтесь. Это он не вшей гоняет. Пытается дурные мысли из головы выбросить.

Они засмеялись и одна спросила: – И что много их?

– Да вот уже минут пятнадцать мучается.

– Значит есть что выбрасывать, хуже когда выбрасывать

нечего.

– Девушки постойте, – Иван встал, а Аркадий повернулся, – присядьте. Мы точно не заразные. Если честно, то вот ему скучно, мы просто так сидим. Посидите с нами, мы при-
ставать не будем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.